

16. ЦГАВО Украины, г. Киев. – Ф. 2311, оп. 1, д. 117.
17. ЦГАВО Украины, г. Киев. – Ф. 2311, оп. 1, д. 119.
18. ЦГАВО Украины, г. Киев. – Ф. 2311, оп. 1, д. 144.
19. ЦГАВО Украины, г. Киев. – Ф. 2311, оп. 1, д. 147.
20. ЦГАВО Украины, г. Киев. – Ф. 2311, оп. 1, д. 151.
21. ЦГАВО Украины, г. Киев. – Ф. 1216 : Министерство внутренних дел Украинской Державы, оп. 1, д. 77.
22. ЦГАВО Украины, г. Киев. – Ф. 1793 : Подольский губернский староста Украинской Державы, оп. 1, д. 59.
23. *Чериковер И.* Антисемитизм и погромы на Украине в период Центральной рады и гетмана / И. Чериковер // Революция на Украине по мемуарам белых. – М. ; Л. : Изд-во Госиздат, 1930. – С. 239–276.
24. *Штерн С.* В огне гражданской войны. Воспоминания, впечатления, мысли / С. Штерн. – Париж, 1922. – 192 с.
25. *Шухевич С.* Моє життя: Спогади / С. Шухевич. – Лондон, 1991. – 619 с.

Надійшла до редколегії 4.08.2014

УДК 94 (477.63) 1914/1915

А. А. Чепурко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-ЦЕНЗУРНЫХ ОРГАНОВ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Розглянуто процес становлення органів військової цензури в Катеринославській губернії в 1914–1915 рр., розкрито функції та специфіку роботи військових цензорів.

Ключові слова: цензура, військові цензори, жандармерія, Перша світова війна, перлюстрація, Катеринославська губернія.

Освещен процесс формирования органов военной цензуры в Екатеринославской губернии в 1914–1915 гг., раскрыты функции и специфика работы военных цензоров.

Ключевые слова: цензура, военные цензоры, жандармерия, Первая мировая война, перлюстрация, Екатеринославская губерния.

Gegenstand des Beitrags ist der Aufbau der Organe der Militärzensur im Gouvernement Ekaterinoslav in den Jahren 1914–1915. Besonderes Augenmerk des Autors gilt den Funktionen und der Spezifik der Tätigkeit der Militärzensoren.

Schlagwörter: Zensur, Militärzensoren, Gendarmerie, Erster Weltkrieg, Briefzensur, Gouvernement Ekaterinoslav.

In the article the process of military censorship bodies formation in Yekaterinoslav province in 1914 and 1915 is illuminated, the functions and specific character of the military censors work are disclosed.

In the second half of 1914, the functions of the censors were carried out by the employees of Yekaterinoslav province gendarme administration, for censorship points in the province were created only in January 1915. The overall guidance over the military censors of the province, and its general supervision was carried on by Moscow military censorship commission. The senior censor, who coordinated the activity of local military censors, was also subordinated to this commission, and reported to it. In the province censorship points were working in three districts (*uyezds*) (Mariupol, Slavyanoserbysky and Bakhmut) under the command of colonel Terentiev. In the article the algorithm of the censors actions in mail perlustration and its results - monitoring of mood in the environment of national minorities (mainly Jews and Germans, Mennonites), detection of crime (mainly desertion and corruption of officials), monitoring of telegrams and letters addressed to persons with revolutionary biography – are studied.

Studying the military censors' specifics in Yekaterinoslav province, the author also outlined future research perspectives of the themes:

- analysis of ideological principles, basic directions, forms and methods, results (effectiveness) of the censorship;
- quantitative, ethnic, and age composition of the military censors, their social status, conditions of life and work;
- the relationship and the degree of cooperation with law enforcement authorities;
- the population's attitude to censorship and government officials;
- the question about appropriateness and legality of censorship also remains open.

Further study of military censorship is topical, because it gives opportunity to explore methods of official information policy, held by the state authorities of the Russian Empire, and to identify the magnitude of manipulation by public opinion and its consequences.

Keywords: censorship, military censors, gendarmerie, World War I, perlustration, Yekaterinoslav province.

Общеизвестно, что цензура – это форма ограничения свободы слова и печати, вид контроля властью содержания и распространения информации антигосударственной направленности. Лимитирование свободы человека всегда усиливалось в период боевых действий, что объяснялось военной необходимостью.

В 2014 г. исследование истории органов цензуры является актуальным не только в связи с юбилеем – 100-летием начала Первой мировой войны, но и набирающим обороты российско-украинского конфликта, **обостряющимся противостоянием сторонников «русского мира»** и евроатлантизма формирующими геополитику XXI века. Во время военных действий повышается интерес к истории цензурирования прессы и корреспонденции.

Деятельность военной цензуры в годы Первой мировой войны – мало исследованная научная тема. Работа же органов цензуры в Екатеринославской губернии не была ранее ни объектом, ни предметом исследования. Цель данной статьи – раскрыть функции органов военной цензуры, описать алгоритм действий служащих цензурных пунктов Екатеринославской губернии.

Уже на второй день войны (20 июля 1914 г.) в Российской империи были утверждены нормативные акты «Об утверждении Временного положения о военной цензуре» и «Перечень сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространения коих в печати, в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается». В соответствии с ними, главная задача военной цензуры – контроль над печатной продукцией, издаваемой в военное время, просмотр корреспонденции с целью пресечения разглашения государственных тайн. Исключением стали корреспонденции членов императорской семьи, а также письма дипломатических и консульских представительств иностранных государств.

С 1914 г. Петроград являлся главным центром цензуры в стране, а для ее реализации постепенно формируется управленческая вертикаль. Низовыми звеньями стали пункты военной цензуры при почтовых и почтово-телеграфных учреждениях со штатом военных цензоров, специфику работу которых рассмотрим на примере деятельности военных цензоров Екатеринославщины.

Первая мировая война вызвала потребность отслеживать настроения населения, упреждать шпионаж и диверсионную деятельность. С начала боевых действий военные цензоры просматривают не только материалы средств массовой информации и книжную печать, но и частную корреспонденцию. Изучая материалы Екатеринославского губернского жандармского управления (фонд 313) автор статьи обратил внимание на документы, хранящиеся в архивных делах. Это, преимущественно, нормативные акты, **легализирующие деятельность цензоров, внутренние инструкции, в которых отобразались за-**

дачи и должностные обязанности военных цензоров. И, наконец, переписка самих цензоров и работников жандармских управлений, копии тех материалов, которые вызвали интерес у служащих цензурных пунктов и правоохранительных органов. Благодаря изучению указанных источников, стало возможным изучить специфику работы цензоров.

Архивные материалы не подтверждают существования цензурных пунктов в губернии во второй половине 1914 г., ибо функции цензоров выполняли работники Екатеринославского губернского жандармского управления. Цензурные пункты в губернии были созданы только в январе 1915 г. Общее руководство деятельностью военных цензоров губернии, а также наблюдение за ними принадлежало Московской военно-цензурной комиссии (далее МВЦК). Ей подчинялся и был подотчетен старший цензор, который непосредственно на месте объединял деятельность военных цензоров. В архивных делах упоминается работа цензурных пунктов трех уездов из восьми существовавших тогда в губернии. В начале войны, старшим военным цензором Мариупольского, Славяносербского и Бахмутского уездов был полковник Терентьев, который являлся также начальником Екатеринославского губернского жандармского управления. Ему подчинялись:

- исправник Яновский и коллежский секретарь Костюкович (г. Бахмут);
- ротмистр Бондаренко и статский советник Кулеш (г. Луганск);
- подполковник Сокольский и коллежский секретарь Кущинский (ст. Дебальцево);
- пристав Синьковский и коллежский советник Томарович (ст. Юзовка);
- ротмистр Куприянов и заведующий телеграфом, чиновник 2 разряда Мальченко (г. Мариуполь) [6, л. 2]. За свою работу рядовые работники цензурного пункта губернии получали суточные деньги по 2 рубля и канцелярские деньги на все 5 пунктов по 10 рублей [6, л. 2].

Задача военных цензоров состояла в недопущении разглашения через почтовую корреспонденцию сведений, не отвечающим интересам государства. Прежде чем приступить к выполнению профессиональных обязанностей, военный цензор обязан был изучить документы, а именно:

- а) «Временное положение о военной цензуре» и приложение к нему «Перечень сведений, не подлежащих оглашению и распространению...»;

б) инструкцию военным цензорам Московской военно-цензурной комиссией от 23 января 1915 г., а также предписания, циркуляры, указания Московской и Главной военно-цензурной комиссий;

в) официальные военные и военно-морские сообщения, получаемые на местах.

До начала работы цензурные пункты губернии получили образцы отчетности, инструкции и штемпеля. Однако «Временное положение о военной цензуре» вынуждены были приобретать за свой счет. Был также разослан циркуляр старшим цензорам, со списком иностранных языков, которыми владели служащие цензурных пунктов: «... на Московском почтамте владели французским, английским, немецким, шведским, датским, норвежским, финским, эстонским, латышским, польским, голландским, румынским, болгарским, итальянским, еврейским, турецким, персидским, армянским, испанским. На Харьковском телеграфе владели английским, армянским, латышским, немецким, малорусским, французским ...» [14, л. 11 – 11 об]. В этом же циркуляре содержалась рекомендация «узнать самостоятельно у служащих ближайших цензурных пунктов (Ростов, Одесса и др.) список языков, которыми они владели» [14, л. 11 об].

Старший военный цензор Терентьев незамедлительно разослал секретные циркуляры в цензурные пункты соседних губерний, в которых просил уточнить языки, знакомые цензорам. Например, приводим текст одного из них: «Прошу сообщить, какие иностранные языки известны военным цензорам г. Ростова на Дону» [11, л. 12]. Ответ был незамедлителен. Уже 17 февраля 1915 г. Терентьев сообщает своим подчиненным, что: «Старшему военному цензору в Ростове на Дону, действительному статскому советнику Канскому известны главные европейские языки, за исключением датского, голландского и португальского» [12, л. 14].

Алгоритм действий цензоров был определен. Существовала система осмотра почтовых отправок. Вся корреспонденция, поступающая в военную цензуру, подразделялась на категории:

- 1) письма, отправленные за границу (заказные, простые, страховые, посылочные);
- 2) письма, прибывшие из-за границы (заказные, простые, страховые, посылочные);
- 3) корреспонденция из действующей армии;
- 4) внутренняя переписка по специальным секретным предписаниям, **шифрованная, условная и непонятная или подозрительная по своему содержанию** [1, л. 4 об].

Просматривая иностранную корреспонденцию цензоры, согласно инструкции, в первую очередь, обращали внимание на письма из «враждебных государств: Дании, Швеции, Норвегии, Румынии, Болгарии, Швейцарии, Голландии, Италии, Китая и Америки» [1, л. 4 об]. Корреспонденция из этих государств просматривалась вся, а письма, отосланные подданными дружественных стран, в пределах «возможного свободного времени» [1, л. 4 об]. Почтовые отправления, пересылаемые из враждебных империи государств, а также отправляемые из России при посредстве частных лиц или обществ, подлежали конфискации.

При просмотре корреспонденции цензоры, прежде всего, обращали внимание на адрес. Если письмо было отправлено лицами или учреждениями, зарегистрированными в «особом секретном предписании», оно задерживалось независимо от содержания и переправлялось ответственным должностным лицам. По инструкции цензор, независимо от адреса, обращал внимание на:

1) письма-корреспонденции в иностранные газеты, в особенности на английском;

2) письма в Цюрих (*иногда имели невидимый текст – Ч. А.*);

3) записи, часто помещаемые под марками или в местах склейки конверта;

4) письма транзитные (*по инструкции подлежали тщательнейшему просмотру – Ч. А.*);

5) иностранные газеты, вложенные в письма и бандероли (*по инструкции подлежали задержанию – Ч. А.*) [1, л. 4 об].

Международная корреспонденция, а также письма из действующей армии, проходили через ближайшие цензурные пункты, за что несли личную ответственность начальники екатеринославского почтово-телеграфного округа и 5-го отдела по перевозке почты в г. Харькове [7, с. 1 – 1об].

Письма, написанные на понятном военному цензору языке и пропущенные им, отправлялись по указанному на конверте адресу. Корреспонденции, написанные на непонятном языке, пересылались в ближайший цензурный пункт, где работал цензор, знающий этот язык, с сомнительным содержанием отправлялись старшему цензору, а с рисунками, чертежами, цифрами, буквами, в которых можно предположить шифр, задерживались и переправлялись в Московскую военно-цензурную комиссию.

На письмах, не вскрытых военной цензурой, и не возбуждающих подозрений проставлялся штампель «Д. Ц.» (*дозволено цензу-*

рой – А. Ч.). На всех вскрытых письмах ставился штамп «Вскрыто военной цензурой» и подпись цензора. Пропущенная цензурой корреспонденция следовала в общем порядке. Письма, вскрытые цензорами и отправленные по назначению, заклеивались по инструкции, хотя это работа выполнялась не всегда добросовестно, судя по найденному в архиве циркуляру председателя Главной военной цензурной комиссии: «по сообщениям Министерства иностранных дел, письма адресованные из России за границу русским поданным через наши консульства нередко поступают в открытых конвертах, по-видимому, потому, что по вскрытию цензорами их или вообще не запечатывают или заклеивают лишь тонкой полоской бумаги. Имея в виду, что наши противники содержат в отелях, почтовых конторах и других учреждениях за границей многочисленных агентов, можно предполагать, что письма попадают в руки к таким агентам, откуда они могут почерпнуть мелкие, но важные сведения о России. Вследствие этого прошу предупредить цензоров о внимательной заделке вскрытых конвертов» [15, л. 41 – 41 об].

Помещаемые в письмо сведения, содержащиеся в особом перечне, приложенном к временному положению о военной цензуре, а также перечисленные в инструкции военным цензорам тщательно вычеркивались, как не подлежащие разглашению. Письма с подобной информацией, отправляемые за границу или имеющие шпионский характер, конфисковались и переправлялись в Московскую военную цензурную комиссию. Сведения о количестве просмотренных писем, поступивших в военную цензуру, вносились в особые реестры, которые еженедельно переправлялись в МВЦК и старшему цензору.

Работа с письмами военнопленных, пришедшими из-за границы, велась по другой схеме: просматривались они все, в первую очередь открытые письма, потом закрытые. С начала военных действий письма военнопленных пересылались в Справочное бюро, но в течении первого года военных действий условия цензуры изменились. С ноября 1914 г. корреспонденция пересылалась в Петроград, если письмо адресовалось в Германию или в Унгени (Бессарабия), если адресат находился в Австро-Венгрии. С февраля 1915 г. почтовые отправления военнопленных направлялись для цензуры в один из пунктов: Петроград, Москва, Одесса, Тифлис, Иркутск, Владивосток или на станции Маньчжурия и Приграничная [2, с. 270].

Письма военнопленных, описывающие жизнь в плену в хорошем свете, подлежали конфискации, а фамилии авторов таких писем со всеми официальными сведениями (имя, отчество, часть) сообщались

в Московскую военно-цензурную комиссию [1, л. 4 об]. Письма из действующей армии просматривались выборочно, но не менее 25 % из общего количества. При осмотре обращали внимание на сведения, касающиеся состояния армии, ее настроений, снабжения, характеристики командного состава, то есть обо всем составляли выписки, которые передавали в МВЦК, а в особых случаях пересылали сами письма.

Цензоры уделяли внимание и телеграммам, методика работы с которыми отличалась в зависимости от их разновидности. Осмотру подлежали все поступающие в военную цензуру телеграммы независимо от отметки «Д. Ц.» (*дозволено цензурой – А. Ч.*), если таковая имелась. **На всех газетных телеграммах, в которых содержалась Императорская фамилия, указывалась заметка – «подлежит придворной цензуре»** и пересылалась в редакцию. **Телеграммы на непонятном военному цензору языке** отправлялись в ближайшую военную цензуру, где этот язык был известен. Если телеграмма своим содержанием, по мнению цензора, наносила вред военным интересам государства или ее смысл был не понятен, ее направляли, **сняв с нее копию и проставив служебную отметку «разрешена (название цензурного пункта – Ч. А.) военной цензурой для передачи в (название ближайшего крупнейшего цензурного пункта – Харьков, Ростов, Екатеринослав или Одесса – А. Ч.) военную цензуру».**

При изучении газетных телеграмм цензоры руководствовались данными «Военного вестника», «Петроградского Агентства», сведениями Ставки Верховного Главнокомандующего, приложением к «Временному положению о военной цензуре» и инструкцией военным цензорам, утвержденной Московской военно-цензурной комиссией 23 января 1915 г. Все сведения, сообщаемые Петроградским Телеграфным Агентством, признавались официальными и не подлежали военной цензуре. Телеграммы, не соответствующие перечню сведений, «не подлежащих оглашению», задерживались, даже если были пропущены военной цензурой другого округа. Задержка подозрительных телеграмм была обязанностью военных цензоров.

Военные цензоры вычеркивали в телеграмме не допускаемые ими сообщения и выражения, но делать в телеграммах приписки или редакционные изменения не имели права. На просмотренных телеграммах и пропущенных военным цензором ставился штампель «Д. Ц.», а рядом с ним подпись или личный штампель цензора, пропустившего телеграмму. На задержанных телеграммах ставилась отметка о задержании с подписью или с личным штампелем цензора, задержав-

шего телеграмму. На газетных телеграммах, если цензор разрешал ее отправить, проставлялся только штампель «Д. Ц.», что означало доставку в редакцию, но не разрешение к печати.

Военные цензоры практически ежедневно получали циркуляры из Главной военно-цензурной комиссии и МВЦК, штабов военных округов с перечнем информации, которая не подлежала упоминанию в прессе или письмах, выдержки из которых приведены ниже.

9 марта 1915 г. – «не подлежит разглашению в печати доклад германского Красного Креста по поводу осмотра лагерей пленных в Германии» [13, л. 26].

10 марта 1915 г. – «не подлежат оглашению в печати сведения о забастовках на фабриках и заводах» [8, л. 29].

4 апреля 1915 г. – «не пропускать в печати и письмах сведений о побишем у Одессы турецкого крейсера «Меджидие» [10, л. 34].

6 апреля 1915 г. – «в целях сохранения военного секрета, не пропускать к печати в современных изданиях никаких фотографий из района действующей армии, кроме портретов, снимков групп, отдельных видов, не имеющих военного значения» [9, л. 38].

О всех происшествиях в военной цензуре цензоры немедленно сообщали председателю МВЦК, извещая предварительно об этом и старшего цензора. Сведения, полученные военными цензорами при выполнении служебных обязанностей, являлись тайной, вверенной им по службе, за разглашение которых виновные подлежали уголовной ответственности [1, л. 2].

Вышеуказанные практические действия военных цензоров Екатеринославской губернии по просмотру почтовых отправок давали явные результаты: изучались настроения в среде национальных меньшинств (преимущественно евреев и немцев-меннонитов), выявлялись преступления (в основном дезертирство и подкуп должностных лиц), отслеживались телеграммы и письма, адресованные лицам с революционной биографией.

Например, военными цензорами было выявлено письмо на имя Эпистимии Шкляр от мещанина г. Верхнеднепровска, в котором сообщалось, что в сентябре 1914 г. Бабинцев, работавший в магазине Зеленского в Киеве, выбыл на призыв, но, «как видно по письму, добивается освобождения за взятку» [4, л. 46]. Полковник Терентьев препроводил материалы дела и письмо, **задержанное цензурой**, Верхнеднепровскому уездному исправнику с просьбой «выяснить и сообщить ... подробную установку личности Бабинцева, а равно освобожден ли он от военной службы и по каким причинам» [4, л. 47].

Такой же случай произошел с письмом из США в Екатеринослав на имя Иды Поляковой, «из которого видно, что автор письма уклонился от отбывания воинской повинности, оставшись намеренно в Америке» [3, л. 55]. Было принято начальником Екатеринославского губернского жандармского управления Терентьевым решение «привлечь родственников автора письма – Якова Бернштейна, видимо уклонившегося от всеобщей мобилизации в России, к законной ответственности» [3, л. 57].

Департамент полиции рассылал циркуляры, в которых обязал цензоров и правоохранительные органы отслеживать «соответствующие разговоры и веяния среди местного населения», в частности среди национальных меньшинств. Цензоры обращали внимание на письма евреев, пересылая в МВЦК корреспонденцию на идише и, раз в две недели, выписки из писем об отношении евреев к воинской повинности. Выяснялись политические взгляды, степень лояльности к власти немецких колонистов на о. Хортица [5, л. 83 – 83 об].

В случае заинтересованности военных цензоров устанавливались личности адресата и автора письма, а при необходимости – всех лиц, упомянутых в письме. Собиралась информация о лицах, в частности устанавливалось – возраст, род занятий, место жительства, вероисповедание, судимости. В дальнейшем разбиралась суть вопроса, устанавливалась вина, принималось решение о возбуждении дела и пересылке материалов ответственному лицу.

Изучая публикации о деятельности органов цензуры, читатель, интересующийся историей или профессиональный историк, составляет свой образ бюрократического ведомства, где служащие просматривают материалы, разыскивая сведения государственного значения. Как правило, этот образ неприглядный – чиновники, читающие чужие письма, занимающиеся хоть и целесообразным делом с государственной точки зрения, но бесчестным с точки зрения гражданина, ибо цензор, изучающий материалы прессы, деловую и частную переписку, ограничивает свободу человека, вмешивается в личную жизнь. Но информационный контроль позволял избежать многих проблем: выявить уголовных преступников, дезертиров, шпионов. В целом, несмотря на «бесчестье» профессии, военная цензура, вызванная политической и военной целесообразностью, приносила пользу. Метод правоохранительных органов – цензурирование, не имеющий эффективной альтернативы, занял свое место среди инструментария органов правопорядка наряду с гласным или негласным наблюдением.

Объем статьи не позволяет изложить все нюансы работы военных цензоров Екатеринославской губернии, все еще остаются перспективные направления для дальнейшего исследования научной проблемы, а именно:

- анализ идеологических принципов, основных направлений, форм и методов работы, результатов (степень эффективности) органов цензуры;
- количественный, национальный и возрастной состав военных цензоров, их социальный статус, условия жизни и работы;
- взаимоотношения и степень сотрудничества с правоохранительными органами;
- отношение населения к цензуре и проводившим ее государственным служащим;
- дискуссионным остается и проблема целесообразности, легальности цензуры.

Дальнейшее изучение научной проблемы остается актуальным, так как дает возможность изучить методы официальной информационной политики государственных органов Российской империи, выявить масштабы и последствия манипулирования общественным мнением.

Библиографические ссылки

1. Инструкция военным цензорам по Бахмутскому, Мариупольскому и Славяносербскому уездам Екатеринославской губернии, утвержденная Московской военно-цензурной комиссией 10 февраля 1915 г. // Государственный архив Днепропетровской области (далее ГАДО). – Ф. 313, оп. 2, д. 3118, л. 2–5 об.

2. *Міронова І. С.* Поштові і поштово-телеграфні установи на півдні України в системі зв'язку російської держави (друга половина XVII – початок XX ст.) : моногр. / І. С. Міронова. – Миколаїв : Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2012. – 564 с.

3. Письмо внутренней переписки от начальника Екатеринославского губернского жандармского управления // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3054, л. 55–57.

4. Письмо начальника Екатеринославского губернского жандармского управления Верхнеднепровскому уездному исправнику // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3054, л. 46–47.

5. Письмо Начальнику Екатеринославского губернского жандармского управления от ротмистра, помощника начальника ЕГЖУ в Александровском и Павлоградском уезде от 9 ноября 1914 г. // ДАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3054, л. 83–83 об.

6. Приказ Московского военного округа от 7 февраля 1915 г. (генерал от инфантерии Сандецкий) // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3118, л. 2.

7. Приказ по войскам Московского военного округа № 133 и инструкции военным цензорам по цензуре почтово-телеграфных отправок // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3118, л. 1–1 об.

8. Распоряжение Московского военно-цензурного комитета от 10 марта 1915 г. // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3118, л. 29.

9. Распоряжения Начальника штаба Московского военного округа // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3118, л. 38.

10. Уведомление Московского военно-цензурного комитета от 4 апреля 1915 г. // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3118, л. 34.

11. Циркуляр военного цензора Терентьева от 10 февраля 1915 г. // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3118, л. 12.

12. Циркуляр военного цензора Терентьева от 17 февраля 1915 г. // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3118, л. 14.

13. Циркуляр Московского военно-цензурного комитета от 9 марта 1915 г. // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3118, л. 26.

14. Циркуляр Московской военно-цензурной комиссии от 15 февраля 1915 г. // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3118, л. 11–11 об.

15. Циркуляр председателя Главной военно-цензурной комиссии от 27 апреля 1915 г. // ГАДО. – Ф. 313, оп. 2, д. 3118, л. 41–41 об.

Надійшла до редколегії 20.06.2014

УДК 94(477) «1914/1919»

М. П. Костюк

Луцький державний технічний університет

УЧАСТЬ КОМИТЕТУ ПИВДЕННО-ЗАХІДНОГО ФРОНТУ ВСЕРОСІЙСЬКОГО ЗЕМСЬКОГО СОЮЗУ У ВИСЕЛЕННІ ВОЛИНСЬКИХ НІМЦІВ- КОЛОНІСТІВ ЗИМОЮ 1915–1916 рр.

Проаналізовано діяльність інституту агентів-провідників, створеного Комітетом Південно-Західного фронту Всеросійського Земського Союзу для супроводу ешелонів з депортованими німецькими колоністами Волині зимою 1915–1916 рр. Головну увагу приділено виконанню агентами-провідниками своїх функцій та обов'язків. Зроблено висновок про доцільність та виправданість участі Комітету Південно-Західного фронту в акції депортації німців-колоністів.

Ключові слова: німці-колоністи, виселення, агенти-провідники, Всеросійський Земський Союз, Комітет Південно-Західного фронту, Волинь.